

Литературная газета

№ 17 (508)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Воскресенье, 24 марта 1935 г.

Насущное требование

В январе 1934 г. за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве ЦИК Союза ССР наградила орденом Ленина шесть передовиков социалистического хозяйства: Набардино-Балкарскую область, Татарскую республику, Западно-сибирский край, Московскую область, Горьковский край и Крымскую республику. 16 марта нынешнего года было опубликовано постановление ЦИК СССР о награждении орденом Ленина за выдающиеся достижения в области социалистического хозяйства — как в земледелии, так и в промышленности — еще целого ряда республик и краев. Сюда вошли Куйбышевский край, Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, Белорусская ССР, Воронежская область, Башкирская АССР и Абхазская АССР.

Бывшая царская Россия, отсталая и кривая страна с систематическими неврозами, страна с ужасной нищетой и бескультурьем национальных окраин, превратилась сейчас в могучий Союз советских республик, сияющий грядущими красками проснувшихся к социалистической жизни многочисленных национальных культур. Плотью от плоти и кровью от крови нашей великой социалистической родины является советская литература, единая по своему идейному содержанию и направлению, но многогранная и необыкновенно яркая по формам и приемам выражения и в первую голову по языку, или, верней, по своим многочисленным (не менее 70) языкам.

За прошедшие 17½ лет у нас ликвидировано в основном столетие отставания, т. е. пройден путь, который при «нормальном» капиталистическом развитии мог быть пройден лишь в 100 лет. Темпы роста и развития хозяйства — новые данные в истории! Немудрено, что литература наша, оперирующая еще в значительной мере материалом старого, носного сознания, не поспевает за этими небывалыми темпами и отстает. Однако, митрится с этим отставанием значило бы перестать быть советским писателем. Писатели наши должны напрячь все усилия, предельно мобилизовать свои знания и культуру, свои таланты и умение на ликвидацию этого отставания. Работы непопачаты край! Вот тринадцать орденосных передовиков страны, тринадцать республик, областей и краев, стоящих в первом ряду Союза советских социалистических республик. А знаем ли мы весь тот колоссальный исторический путь их развития от отсталой царской провинции до восточной феодальной деревни до наших дней, до колхозной деревни Кабардино-Балкарии или социалистической промышленности Баку? Мы не знаем этой истории. А писатели могут и должны описать дела давних лет, чтобы лучше понять настоящее и проникнуть в будущее.

А. М. Горький дважды высказывался по этому поводу на с'езде писателей. В своем глубоко-содержательном докладе Горький говорил: «Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начата работа по истории удельно-индустриальных и порубенных городов от времени их основания до наших дней. Эта работа должна осветить нам в очерках и рассказах жизнь феодальной России, колониальную политику московских князей и царей, развитие торговли и промышленности, — картину эксплуатации крестьянства князем, воеводой, купцом, мелким помещиком, церковью и заключить все это организацией колхозов — актом подлинного и полного освобождения крестьянства от «власти земли», из-под гнета собственности.

Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. И этим и многим другим колоссальным работам можно привлечь сотни начинающих писателей и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики».

Последнюю мысль Алексея Максимовича развив в заключительной речи: «Литераторы и ученые национальных республик должны написать истории своих стран и государств, истории, которые взаимно ознакомили бы народы всех республик друг с другом. Эти истории народов Союза советских социалистических республик послужат очень хорошим средством взаимного понимания и внутренней, идеологической спайки всех людей семи республик».

Выполнить эти насущные требования писатели наши, и особенно писатели национальные и писатели, живущие в областях и краях, должны с честью и в срок, работая совместно с историками и другими научными работниками, занимающимися изучением великой Советской страны. Научно-художественная история нашей необъятной и многонациональной родины должна быть создана, и в первую очередь мы должны иметь такую историю орденосных республик, областей и краев.

Сессия Академии наук

ПАМЯТИ Н. Я. МАРРА

22 марта состоялось заседание общего собрания Академии наук, посвященное памяти академика Н. Я. Марра.

Заседание открыл президент Академии акад. А. П. Карпинский, предельно востанчиво почтив память содателя афетической теории.

Выступившие с докладами акад. В. М. Алексеев, А. М. Деборин, И. И. Мещанинов и член-корреспондент И. А. Орбели посвящали незабываемый образ этого гениального лингвиста, неутомимого борца за новые идеи языкознания, активного общественного деятеля.

Всеми выступившими подчеркивалось то впечатление, которое горел великий ученый, тот пафос, о котором говорил Марр в научном вопросе, та борьба с рутинной застоялостью, которую приходилось преодолевать Марру в течение всех 45 лет своей научной деятельности.

Будучи воспитан буржуазной наукой Марр, под влиянием Октябрьской революции, перешел на новые научные позиции. Октябрь пропал революцию в самом мышлении этого гениального ученого.

После Октябрьской революции Марр сохранил свое учение о языке, пропущенное принципами интернационализма и историзма.

Современные буржуазные лингвисты, мобилизуя все свои силы для оправдания милитаристической политики своих государств. Так немецкий лингвист Шпелер из слова «ариец» выводит «божественное предначертание» германца. Учение Марра, устанавливающее, что язык есть не расовое, а чисто историческое и социальное явление, дает молниеносное оружие для борьбы с этими расовыми теориями фашистских лингвистов.

В конце собрания выступил президент Академии акад. А. П. Карпинский, подынявший с аудиторией своим воспоминаниями о встречах и совместной работе с Николаем Яковлевичем.

НОВОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Писателей и критиков не раз уже упрекали в том, что они «не любят» Урпек вполне заслуженный. Его можно повторить и сейчас.

О мартовской сессии Академии наук в нашей прессе писалось — и довольно подробно — задолго до ее открытия. Казалось бы что это выходящее событие в ученом мире должно было заинтересовать и литературных критиков, и литературоведов, и писателей. Этого, к сожалению, не случилось. Зато сессия закинула свою работу, а писатели на одном заседании ее нам не удалось встретить. Даже сообщения крупнейших представителей востоковедной науки о культуре, истории и литературе Таджикистана, Индии и Тибета не привлекли к себе московских литераторов. Об этом стоит пожалеть, ибо на заседаниях группы востоковедения литературные критики и писатели могли бы услышать не мало полезных для себя вещей.

Особую ценность заседания группы востоковедения представили бы для писателей, работающих над романами, и историческим романом, так как в основном доклады, прочтенные на сессии востоковедами, были посвящены прошлому Востока и содержали богатейший фактический материал об этом прошлом.

С большим интересом были заслушаны 21 марта на первом заседании группы востоковедения доклады Н. А. Невского и А. А. Фреймана. В своем сообщении о тангутской письменности и ее фонетике Н. А. Невский обрисовал богатое прошлое тангутов — маленького ожившего племена скотоводов, кочующих сейчас со своими стадами по полям китайской провинции Гань-Су. Нахлынувшие в первой четверти XIII века на тангутское государство монгольские орды зажали на камне не оставили от пещинных городов тангутов. Почти начисто уничтожив монголов замечательные произведения тангутских писателей и художников.

Академия наук обладает единственным в мире собранием тангутских ксилографов и рукописей, представляющих исключительную ценность для исследования тангутской культуры.

Доклад члена-корреспондента Академии наук А. А. Фреймана был посвящен результатам работы по расшифровке согийских рукописей, найденных в 1933 г. сотрудниками Академии наук на горе Мук в Таджикистане. Рукописи были найдены вместе с памятниками материальной культуры в развалинах багши, находившейся поблизости от того места, где центральное лицо, о котором говорится в этих документах, Династор, был в плен арабами в 723 г. Собрание рукописей, очевидно, является остатками его архива.

Эти согийские документы, — говорит докладчик, — первые материалы на согийском языке, найденные на нашей территории. В этом заключается их особенное историческое значение как сохранившихся памятников. Довольно редкие документы позволяют познакомиться с историей календаря, привозимого арабским писателем Альборухи. Юрические документы обещают дать много ценного материала о жизни Согдианы в эпоху завоевания ее арабами в первой половине восьмого века.

На следующем заседании 22 марта группа востоковедения заслушала сообщение П. И. Воробьева «Маньчжурские архивные источники для изучения русско-китайских отношений в XVII веке» и доклад А. П. Баранникова «Сказание о Юшине».

Большой интерес представил доклад А. Ю. Якубовского о восстании в Тарбаи в 1238 году.

Буржуазным востоковедением совершенно не разработана история крестьянских и ремесленных движений на Востоке. Буржуазные востоковеды создали легенду о застойности Востока. Несостоятельность этой точки зрения убедительно была доказана докладом Якубовского. На примере одного из ярких эпизодов революционной борьбы крестьян и ремесленников Средней Азии докладчик показал, что история феодального Востока не менее европейского средневековья бо-

гата революционными восстаниями трудящихся масс. Движению Тарбаи предшествовали восстание ремесленников в Бухаре во главе с Синджаром в жестокой классовой борьбе в ряде городов Ирана. Феодальный Восток жил не менее напряженно, чем феодальный Запад. И восстание Тарбаи, относящееся к 1238 году, является одной из ярких вспышек народного гнева против завоевателей-монголов, против национальных феодалов-помещиков, против всех основ феодальных порядков.

Заседание закончилось докладом А. И. Вострикова «Тибетская историческая литература». В. ОСТ.

Сцена из пьесы «Фай Чен-о и генерал-тигр». Встреча генерала-тигра (сидит справа) с придворной дамой (сидит слева), роль которой исполняет МЭЙ ЛАНЬ-ФАН.

М Э Й Л А Н Ь - Ф А Н

Было бы поспешным после одного спектакля давать исчерпывающие оценки китайскому театру с точки зрения советского зрителя и нашего понимания задач театрального искусства. Покамест можно сказать лишь одно: театр Мэй Лань-фана одержал уже в Москве свою первую победу.

В нашей печати подчеркивались трудности восприятия, создаваемые условным характером китайского сценического действия, особенностями строя китайской музыки и пр. Эти трудности, как оказалось, отсутствовали на задний план. Уже с того момента, как раздался из-за ждющего оркестра заанесены первые такты оркестра, мы почувствовали нечто родственное музыкальным мотивам известного советского Востока, уже привычным для советского зрителя. Традиционным для китайской фальши в арии был так же быстрый оборотность голоса Мэй Лань-фана. Мало того: удивительные движения актеров (посадка на коны, переступание через порог и пр.) вывали живейшее одобрение зрительного зала своей тонкой театральной выразительностью.

Но в зрительном зале чувствовалось стремление охватить китайский театр в целом, как своеобразный и самобытный тип сценического действия. Может быть, этому способствовало то обстоятельство, что название языка вынуждал советского зрителя воспринимать китайский театр как музыкальную пантомиму. Впрочем, это не так уже расходится с действительной сущностью китайского театра. Правда, немаловажное значение имеют танго, привычный артефакт, заученный и выходящий за пределы, героическая тирида, комическая рингала — они содействуют той непринужденной связи подвостков с зрительным залом, которая так характерна для театральной жизни Китая. Но основная

сила массового воздействия китайского театра лежит все же в музыкально-ритмическом начале, в строгой выверенности жестов, в сдержанной силе движений, как бы рвущихся наружу и заставляющих зрителя, затанцевать и заставить решающего эпизода, когда все это напряжение разрешится в безмятежном альясе поединка или пласки. На протяжении 22 марта вышло еще одно немаловажное обстоятельство. В восприятии китайского театра советским зрителем естественно присутствует уважение к представляющей этим театром многовековой художественной традиции, к колоссальной народной аудитории, которую имеет этот театр в Китае. Здесь сказались общее видение нашей советской художественной культуры, причащающей нас особенно бережно относиться к проявлениям национального своеобразия в искусстве.

Первая победа театра Мэй Лань-фана — результат сочетания прекрасного мастерства этого театра и чуткости советского зрителя.

Безусловно, самое замечательное в то же время самое сложное в показанном спектакле — это игра самого Мэй Лань-фана. Если действия второстепенных персонажей или элементы танца и акробатики, достигшие в китайском театре высокой степени совершенства, не требуют особой интерпретации, то в игре Мэй Лань-фана сложнейшая задача — это в китайском классическом театре сложное и подлежащее расшифровке.

Однако, вынуждается ли это некоторыми особенностями восприятия советского зрителя или таково уж жизненная сила гения Мэй Лань-фана, но игра последнего определенно противоречит приведенным выше теоретическим положениям. Образы героев Мэй Лань-фана, столь бы ни были они подвигами классической традиции актерской игры, живут на подмостках. Вспомните Ин-Чунь (пьеса «Половотыльная туфта») с ее переходами от возмущенной первой женской ухватываниям «незамысловатой» радости по поводу восприятия мужа, затем — к дульному подражанию ревнивого супруга и наконец — к горю и отчаянию по поводу смерти сына. То же самое — в фигуре Фай Чен-О («Генерал Тигр»), где особенно живым и конкретным выступает переход от коварства и жажды мести к трагическому раскаянию, и, если угодно, «обыкновенной» женской растерянности перед бесчеловечеством современного убийцы.

Здесь в игре Мэй Лань-фана выступают реалистические черты, которые, однако, строго увязываются со всем условным строем спектакля.

Реалистическое начало в игре Мэй Лань-фана проступает более отчетливо в диалогах, горлозавое — в арии. Это связано с различной природой этих элементов спектакля: так, например, язык арии — древний, классический, язык диалогов — современный, почти бытовой. Поэтому и движение жестов в диалогической части действия у Мэй Лань-фана приобретает особое очарование тонкого «спонтанного» действительности (например, эпизод с вивком, вышедшим из незнакомой из чаши, в пьесе «Генерал Тигр»). Это — нечто большее, чем обычных условный жест китайского театра, всегда подчеркнуто театральная и схематическая черта в игре

ПОДГОТОВКА К ШЕВЧЕНКОВСКИМ ДНЯМ

ХАРЬКОВ (нам морр.). Трудящиеся Харькова деятельно готовятся к наступающим шевченковским дням.

Большую работу развернул научно-исследовательский институт Шевченко, консультирующий харьковские предприятия и организации. Картина галерея института Шевченко впервые выставляет неизвестные широкой общественности 12 новых картин и рисунков великого поэта. Галерея расширяется двумя новыми залами.

Рукописный отдел института Шевченко, обладающий более чем 180 автографами-оригиналами Шевченко, недавно приобрел в Воронеже и Тифлисе еще два письма Шевченко к своим друзьям.

На 22 марта созывается общегородское собрание харьковских советских писателей, посвященное 121-й годовщине со дня рождения гениального поэта-революционера.

Гослитиздат Украины выпускает первый том академического издания произведений Шевченко; ввиду огромного спроса дополнительно печатается изданный в конце прошлого года издательством «ЛМ» шевченковский «Кобзарь». Для удовлетворения потребности школ печатаются избранные произведения поэта. Избранные произведения Шевченко выходят также на-днях на еврейском языке и в недалеком будущем — на русском и польском.

Государственное издательство «Мистецтво» («Искусство») выпускает монографию А. Хвильи «Памятник Т. Г. Шевченко» (исторический очерк

о строительстве памятника). В монографии собран ряд интересных документов, характеризующих, как орылаи нарские прислужники, украинские помощники и канцелялисты вопросы о сооружении памятника Шевченко.

Государственная библиотека им. Короленко организовала выставку творчества Шевченко. Небольшие выставки организуются заводскими библиотеками.

Наконец, ознаменовывают шевченковские дни и харьковские театры. Театр «Березиль» организует 24 марта, совместно со своим шефом ХПС, большой шевченковский вечер, на котором, между прочим, будет показана инсценировка знаменитого произведения поэта «Сон»; театр Революции также организует большой вечер, где наряду с отрывками из «Назара Стодолл» будут показаны инсценировки из лучших произведений Шевченко.

Гослитиздат Украины выпускает первый том академического издания произведений Шевченко; ввиду огромного спроса дополнительно печатается изданный в конце прошлого года издательством «ЛМ» шевченковский «Кобзарь». Для удовлетворения потребности школ печатаются избранные произведения поэта. Избранные произведения Шевченко выходят также на-днях на еврейском языке и в недалеком будущем — на русском и польском.

Государственное издательство «Мистецтво» («Искусство») выпускает монографию А. Хвильи «Памятник Т. Г. Шевченко» (исторический очерк

о строительстве памятника). В монографии собран ряд интересных документов, характеризующих, как орылаи нарские прислужники, украинские помощники и канцелялисты вопросы о сооружении памятника Шевченко.

Государственная библиотека им. Короленко организовала выставку творчества Шевченко. Небольшие выставки организуются заводскими библиотеками.

Наконец, ознаменовывают шевченковские дни и харьковские театры. Театр «Березиль» организует 24 марта, совместно со своим шефом ХПС, большой шевченковский вечер, на котором, между прочим, будет показана инсценировка знаменитого произведения поэта «Сон»; театр Революции также организует большой вечер, где наряду с отрывками из «Назара Стодолл» будут показаны инсценировки из лучших произведений Шевченко.

КИРОВСКИЙ «ПИОНЕР»

Вышел второй номер детского журнала «Пионер». Весь этот номер посвящен Сергею Мироновичу Кирову.

Несмотря на небольшой срок, редакция журнала и коллективу его авторов, тт. Жигкову, Шатилову, Ивантеру и Некрасовой, удалось собрать ряд очень интересных материалов о замечательной и разнообразной жизни Кирова. Из рассказов его товарищей по подполью, гражданской войне и строительству взяты эпизоды, которые ярко показывают Сергея Мироновича — бойца-коммуниста и рабочего вождя.

Перед читателем «Пионера» встает крепкая фигура этого замечательного большевика. Вот молодой Сережа Костриков прямо из дверей ремесленного училища выходит в большевистское подполье 1904 г. Он организует вместе с своим другом Кононовым демонстрацию протеста против январского расстрела рабочих в Петербурге. Он бесстрашно и ловко выкрадывает из мертвецкой окровавленные знамя, спрятанное на груди убитого товарища. Застенчивый и скромный на митингах и в спорах, он смел и находчив, когда начинается подлинная работа, подлинное дело, требующее изобретательного ума и темперамента настоящего борца, подпольщика-революционера.

Конечно, полная биография нет в этом журнале, да и невозможно на 32 страницах иллюстрированного журнала уложить всю эту замечательную и яркую жизнь. Это — дело будущих книг. Но нашим «взрослым» журналам и писателям очень много можно поучиться у маленького «Пионера» и позаниматься хорошим опытом.

Тот же профессор Юй пишет в своей статье: «Когда мы изучаем проблему формы и цвета в нашей китайской сцене, то мы должны оглянуться на классический китайский портрет. Истинная разница — в том, что в театре цвета больше, а формы — проше. Некоторые европейцы рассматривают простоту — как примитивизм, а богатство — как варварство, забыв, однако, что Восток и Запад вообще используют различные друг от друга красочные гаммы. Формы должны у нас быть простыми, так как все в нашем театральном действии просто; а краски должны быть яркими, так как наша сцена освещается лишь свечами или керосиновыми лампами или в лучшем случае — неярким электрическим светом».

Перед нами прошло представление театра, чуждого нам по своей тематике, отдаленного в своей сюжетике столетиями от нашей великой эпохи пролетарских революций, отличного от наших идей и в вопросах стиля. При всем этом, однако, гастроли театра Мэй Лань-фана — большой этап в критическом освоении нашим советским театром наследия культуры прошлого. И это — тем более, что в отдельных своих проявлениях, китайский театр уже сделал в свое время некоторые вклады в творческий арсенал наших режиссеров и актеров.

Мы приветствуем поэтому Мэй Лань-фана как представителя многовекового китайского театра в стране, где театр на другой основе является неразрывной частью культурного роста трудящихся масс.

Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

НЕ СДАДИМСЯ!

ПЬЕСА О ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕЕ

ЛЕНИНГРАД (наш корр.) В Доме писателей...

Пьеса не является синхронизированной документом...

Большой смысл эпизод получения первых телеграмм...

В журнале радости, лаконичных строках из Москвы...

С большим вниманием была выслушана пьеса Сергея Семенова...

На чтеке присутствовало много челюскинцев.

Р. «Красная новь», № 1, 1935 г.

НАЧАЛО ГОДА

Работа критиков и рецензентов, оценивающих литературу...

Вот почему необходимо своевременно откликаться на каждый выходящий номер...

Он не отказывается от обычной, свойственного всем нашим толстым журналам...

Ничего из перечисленного в прошлом году не было опубликовано.

О чем это свидетельствует? О медленной работе писателя...

Ничего не перечисленного в прошлом году не было опубликовано.

Р. «Красная новь», № 1, 1935 г.

первой буквы алфавита до последней и сделать заявку на любое произведение...

Этого опущения нет, когда переиздается номер «Красной новь»...

В центре беллетристического отдела журнала — новый роман Перл Бак «Сыновья»...

Оригинальная беллетристика в номере представлена короткими рассказами...

То же ощущение дивергентности остается и от критико-публицистического отдела журнала...

Общая впечатленность от первого номера журнала: есть что читать.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

вственным образом преподнести читателю.

Отсутствие установки на читателя ощущается и тогда, когда переходить от Перл Бак к другому переводчику...

Националистическая дактильская литературная критика, опираясь на ряд националистических мотивов...

На Ованес Туманян был первым, который выступил в роли истинного друга советской власти.

Главной темой творчества Туманяна была дореволюционная деревня Армении.

Оригинальная беллетристика в номере представлена короткими рассказами...

То же ощущение дивергентности остается и от критико-публицистического отдела журнала...

Общая впечатленность от первого номера журнала: есть что читать.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Ованес Туманян — крупнейший и самый яркий представитель дореволюционной армянской классической литературы...

Националистическая дактильская литературная критика, опираясь на ряд националистических мотивов...

На Ованес Туманян был первым, который выступил в роли истинного друга советской власти.

Главной темой творчества Туманяна была дореволюционная деревня Армении.

Оригинальная беллетристика в номере представлена короткими рассказами...

То же ощущение дивергентности остается и от критико-публицистического отдела журнала...

Общая впечатленность от первого номера журнала: есть что читать.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

ВЕРШИНА АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Ованес Туманян

Во многих поэмах не только герой Туманяна говорит с природой, но и сама природа — о его герое.

Громкой заслугой Туманяна является литературная обработка, которой он подверг массу народных сказок, басен, легенд и баллад.

Можно смело сказать, что сокровища народного творчества в армянской литературе впервые были серьезно выявлены именно Туманяном.

Веками отчеканенный армянским народом эпос «Давид Сасунский», который является армянской «Илиадой», справедливо считается шедевром творчества Туманяна этого жанра.

Не менее интересна его сказка «Калла мела», написанная в 1909 году в Метехской тюрьме (Тифлисе).

В своих прозаических произведениях Туманян выступает преимущественно как реалист.

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

Крупная ценность этой стихотворной сказки в том, что она выражает гнев крестьянина против мелкобуржуазных правителей...

Туманян обработал много других армянских сказок, из которых достойны упоминания «Храбрый Назар», «Весьелуха всегда весела»...

Туманян известен в армянской литературе прежде всего как крупнейший детский писатель...

В творчестве Туманяна поражает богатство жанров и художественной самостоятельности.

Ованес Туманян обладал большой культурой Он хорошо был знаком с произведениями русских и европейских классиков...

Сейчас, когда большевики Армении изменили и изменили облик страны, когда подпольно работают последние остатки капитализма...

НОРАИР ДАБАГЯН

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

И единственный результат — голод Все ширится войны костер, За голодом приходит мор, Людей нещадно носит ом, И вот весь край опустошен, И в утесе ирды могилы Живой живого вопреки: — С чего ж, откуда ж и когда Такая гранула беда?

Итак, идет За годом год, Станки молчат, Поев не жмут.

«Дафнис и Хлоя» Лонга в переводе С. КОНДРАТЬЕВА выпускает издательство «Академии». Иллюстрации худ. В. БЕХТЕЕВА

НАМ НУЖНА ПОЭЗИЯ БОЛЬШИХ ЛИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИИ

Моя статья о поэзии в «Литературной газете» от 5 февраля и особенно охватывавшая в ней оценки книги Ададис «Власть» вызвали ряд довольно резких возражений...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

У Селивановского в прошлом году есть стихотворение «преувеличенной теплоты» Я думаю, он и сам теперь признает преувеличение своей теплоты...

НАМ НУЖНА ПОЭЗИЯ БОЛЬШИХ ЛИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИИ

подушка. Гигантские люди, Ленин и Сталин, Борн Октября в гражданской войны, Чапаевы и Шорсы дали «новое тело» не только Ададис, пришедшей к социалистической революции от мелкой буржуазии, но и всем молодым поколениям социалистической страны...

Совершенно неверно, что книга Ададис «о начала и до конца организованности» вокруг темы «я и революция». Она от начала и до конца организована вокруг темы социалистического строительства и рождения нового, социалистического человечества...

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

НАМ НУЖНА ПОЭЗИЯ БОЛЬШИХ ЛИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИИ

линия, пришедшем после Маяковского и Вагнерского, поэты с лирическим героем — не лучшие поэты. Это не значит, что этот тип лирика безусловно обречен на исчезновение в социалистическом обществе...

Для поэзии Ададис как раз интересно творчество лирического героя, пришедшем после Маяковского и Вагнерского, поэты с лирическим героем — не лучшие поэты...

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

Суркова поведала теория лирического героя, который представляется ему универсальным ключом ко всякой лирической поэзии.

Но не всякая поэзия и не всякая лирика обязательно имеют лирического героя.

НАМ НУЖНА ПОЭЗИЯ БОЛЬШИХ ЛИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИИ

кая сила поэзии. В большей части перечисленных Сурковым стихотворений лиризм вытекает из определенных индивидуальных положений того же типа, как полемизма, из которых строится рассказ, роман или драма...

Положения эти типичны, и в этом смысле они содержат в себе художественное обобщение. Но это обобщение ограниченные, не идущие дальше отдельных сторон действительности...

Если отвлечься от этой стороны дела, список Суркова прежде всего говорит о том, что он делает ставку исключительно на сюжетную поэзию. Это делает понятным и его утверждение, что гранью между эпосом и лирикой становится все труднее определить в советской поэзии...

«Великодушный процесс превращения «массового человека» в историческую личность, происходящий на наших глазах, происходящий и внутри нас самих...» — вот основная, главная тема советской поэзии...

Романет имеет больше средств, чтобы изображать этот процесс, который есть процесс развития характера. Для того чтобы получить всеобщую картину характера с той же реалистической конкретностью, сюжетная поэзия должна разниться до романа в стихах типа «Евгения Онегина» или «Пушкиноты»...

Но по поводу этого я хотел бы сказать, что поэзия не в силах бороться с романом и драмой. Можно ли утверждать, что судья Гарба или Верка Вольная — конкретные человеческие образы в том же смысле, что Егор Буцухин, Левинсон или Чапаев? Конечно, нет...

Поэтому поэзия не в силах бороться с романом и драмой. Можно ли утверждать, что судья Гарба или Верка Вольная — конкретные человеческие образы в том же смысле, что Егор Буцухин, Левинсон или Чапаев? Конечно, нет...

Поэтому поэзия не в силах бороться с романом и драмой. Можно ли утверждать, что судья Гарба или Верка Вольная — конкретные человеческие образы в том же смысле, что Егор Буцухин, Левинсон или Чапаев? Конечно, нет...

Поэтому поэзия не в силах бороться с романом и драмой. Можно ли утверждать, что судья Гарба или Верка Вольная — конкретные человеческие образы в том же смысле, что Егор Буцухин, Левинсон или Чапаев? Конечно, нет...

К Н И Г И

„ТАРАБАРА“

„ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ“

Передо мною лежит маленькая, как-то уютная книжечка, которую хочется взять в руки и заглянуть внутрь. К этому толкает меня и простоватый, но явно интригующий рисунок на обложке, изображающий интересную композицию: около десятка мужчин в лаптатах, ломая разрушающуюся конструкцию, разламывая ее на отдельные части, разламывая то что-то, а женщина, единственная женщина в подшлупе и летовой кавказке выступает против этих разрушителей и, несмотря на явную угрозу избития, остается на поле «битвы».

Автор книги известен Читатель знает его романы с такими короткими и звучными названиями: «Девка»,

и «Боронис», говорит Аким. Художник в своих образах наглядно рассказывает буржуазное представление о социалистических людях как о какой-то средней серенькой «линии». Еду на подлиннике на кулацкую утку, люди начинают работать с середины, т. е. плохо. Хороший плотник Аким научился строить на живую ветку, колонки плохо работают, плохо ухаживать за скотиной. И в колхозе замечаются признаки упадка, за которыми последовал бы и развал, т. е. осуществление непосредственной цели кулака.

Автор умело организует сюжет, умело подчиняет детали единой идее, подчиняет так, что они не являются только иллюстрацией идеи, а составляют необходимый шаг в общей картине, необходимый ступень в развертывании характера. Большая идейная глубина повести достигается тем, что художник не ограничивается показом ближайшего результата, а показывает дальнейшее развитие, показывает поворотные моменты, показывает поворотные моменты, показывает поворотные моменты, показывает поворотные моменты, показывает поворотные моменты.

Наша характеристика повести была бы не полна, если бы мы не отметили, что автор реализовал свой художественный замысел в одной из труднейших форм в форме стилизованного сказа. Книга в основном закончена еще в 1932 г. т. е. в период усиленного расцвета языка словесным слухом, которое превозносилось под благовидным предлогом спорого революционного обновления языка. И то, что Н. Кочин избегает этого даже в стилизованном сказы, это немаловажная заслуга его и свидетельство о возможности дальнейшего роста художественного искусства. Автор берет дурной стилизации, выдержал стиль до конца и таким образом сумел создать полноценное художественное произведение, сплавив форму с содержанием, художественно убедить, что его стиль вытекает из сути произведения и неразрывен с творческим замыслом, убедить читателя, что другого выражения данных типов в данной обстановке не может быть. Это может не каждый.

«Тарабара» — не гадальное подлинно, но и не схематичный эскиз. Это только гравюра на дереве. Но это хорошая гравюра.

А. КОСТИЦЫН.

МНИМЫЙ ХАРАКТЕР

Кто-то уже назвал роман Н. Никитина «Поговорки о звездах» — «проходным» для автора произведением. Вероятно, это правильно. Но детальнее всего здесь то, что это не столько «проходное» произведение, сколько произведение прохождение: автор слишком уже поверхностно подошел к изображению одной из новостроек.

Роман этот достаточно грамотен, счастливо Кулибин, языком оперирует. Но проходил под знаком разлуки, как будто он наконец не в точности зрения участника или хотя бы «большевик», а с точки зрения простого наблюдателя.

Самая новостройка в нем неконкретна в производственно расплывчатая. Лишь в общих словах известны о ней, что это — электростанция. Читатель приходится верить на слово автору, что люди, строившие ее, в процессе работы качественно меняются и растут. Но эта «переладка» существует лишь номинально, необходимые процессы подменены в романе магическими заклинаниями автора. Кроме того, новостройка в романе не имеет рабочей «дубинки», в произведении действуют исключительно «начальник строительства, главный инженер, его помощник, отсекер и пр. Слова нет, о деятельности этих лиц записано очень многое, но ведь не все же.

Герои в романе меняют свое нутро, как носки. Главный инженер Аладер, еще недавно «бывший гениальным

лишь у себя в кабинете», вдруг становится всеобщим авторитетом-практиком. На какой технической проблеме (а если он — специалист) он вырос, а если не на проблеме то в результате какого внутреннего толчка? Неизвестно.

И все-таки это еще не главная беда романа. Главная беда состоит в том, что основным героем романа является человек, заслуживший название «ни рыбы, ни мяса», «шпильки», и с которыми, тем не менее, у автора сложные и невыясненные отношения. Странным образом героем произведения оказывается не строитель и инженер, а оппортунист, развалившийся строительством. Авторское изображение занимает человека, трепещущего перед строителем, а читательский интерес строится на разрыве строительства сникается. Автор слишком уж увлекается разрыванием переживания своего героя, и в результате перед нами типичный пример мнимого характера и псевдогероя.

Получается по Никитину так, что «несчастный» человек достоин социализма и товарищеской помощи. А вина в развале строительства снимается. Автор слишком уж увлекается разрыванием переживания своего героя, и в результате перед нами типичный пример мнимого характера и псевдогероя.

Роман Никитина, роман с порочным отношением автора к своему герою и создается разрыв во взаимоотношениях между писательскими намерениями и читательским восприятием.

П. Н.—МОВ

Семен КИРСАНОВ

Из книги «Новое»

ОСНОВНОЙ ТЕЗИС РАБОТА В САДУ

Речь — зимостойкая семья; И в ступнях, мичуринцев. Над степью слез — моя упорная широченность. Другим, по сути говоря, — грибовый лес осени, а мне — гербарий словаря, лес говоря разрозненный. То стужа ветку серебряет, то душит слегка дробляя... Дичок привит, и вот — гибриды: могода! мойбона! Сто га словами порося и после года черного — уже несет плодьями слов очаживое дерево!

Сборник ответливо отвечает на эти вопросы. Здесь читатель обнаружит и суховатые, слегка надуменные и манерные рассказы, и живые, яркие, остроты фельетоны. Те и другие идут под общей рубрикой «рассказы», но удивительно просто определяют воле раздал. Когда автор пишет рассказы, — сюжет, как правило, растворяется в психологических состояниях героев, а образы этих героев мертвы и досаждают от долговременного употребления. Так именно обстоит дело в рассказе «Счастие». «Неоконченный рассказ», Иван Ильич. На второй странице каждого из этих рассказов наперед вписаны, как будто поступать, говорить и думать все эти Платоны Каратаевы наших дней (Федя Кривошеев), партийный (Иван Ильич) и казачий интеллигент (Звятич). Ясно: писать об этих людях мало вероятия, а не в плане окутанных и спелых набросков. Иначе рассказ не действует.

Зато когда автор пишет, хотя бы и под именем рассказчика, фельетон («В обиход и целом», «Общия знакомы»), вы ни на минуту не чувствуете отсутствия сюжета, так как перед вами перед вами живая и действительная тема, перед вами люди, которые вы видели вчера и сегодня в учреждениях и на улицах, всегда и везде. И по мере того, как мозг и сердце этих людей обнажаются, вы начинаете понимать причины своего отвращения к тому или другому из наблюдаемых вами в натуре «шпалежей» и вооружаетесь на борьбу с ними. Фельетон действует.

Сборник «Простой случай» еще раз подтверждает, что не надо А. Зоричу сходить с той линии своего творчества, стоя на которой он — мастер. А если стоять, то иначе, чем он это делает. Таким образом, со стороны художественной ценности и общественной полезности убедительности собранные в новой книге рассказы и фельетоны не вызывают к себе никакого отношения. Но это, конечно, и притом резко отрицательное, отношение вызывает многочисленными авторские небрежности, разбросанные по книге.

Как, например, относиться к такому заверению автора: «...пути диверсии его (изумительного) высказывания, как решено?», «он продолжал мить дуть лезть на лезть» (стр. 15). Продолжающийся, как решено, стал битый, уже мертвый, а все-таки стреляет... Странными представляются и «пустые заросли дикой туники» на стр. 38. Между туиндой и тайгой — большая разница, достаточно известная широким кругам советских читателей. На странице 67-й, где действие происходит в наши дни, т. е. в период построения бесклассового общества, у автора, однако, «рождаются целые классы». Это уже и невероятно и вовсе не факт. На странице 114-й фигурирует тропинка, «загаженная голем». Любопытно, что именно разумеет в этом случае автор под словом «голем». Темляками он описывает офицеров (стр. 22) и вообще очень часто терминами пользуется совсем невпопад. Это досадно.

С. ГОЛУБОВ.

ХАРЧЕВЫЙ ДВОР

A. Tarbarchik

Отрывок из второй части романа «Гулящие люди»

— Где ба нам, поилец-кормилец, место тиная? — Пить есть будете? — Будем пить и баньи кушать... деньги явятся. — Он потряс кноу на ремне пол кафтаном, зазвенела дробина. — Идите в обрат... амантедс на площадке, спуститесь не сворачивая, к выходу в другую половину, — там ктети В первом не ходите — дворняк живет в другой — молочки мои служки, ярыжки: третья — пуста, все иметса, хоть ноция в ей... — А мы-таки и заочем, чай, рещетки уж в горло заперты? — Не заперты, так запирают. Чего в клеть вам занести? — Стопку блянов яшневых с икры, с постным маслом... — Эх, гость хороший! А я бы тебе со спороминым дам, да сметаники бы пражной с ячичками, да икрыки, да семухи с дучком?... — Трех, день постной, аль не велядса? Икрыки, семухи на тарель ползьян? — А винна? — Винца по стопке! Мне большуд, ему так как пил, — мялуду. — Подите, сажайтесь, будет спрорено. — Блинок-то погораяе? — Ну, вот и велья вам! — сказал Бегичев, отпавая указывая ктети В клеть пахло перегором волики, жаром каи-то и кожей! Оно узкое, маленькое, лавки по ту и другую сторону широкие, а углы оставлено два трыяка.

Стол ближе к окну, чем к двери, у стола две скамьи. Тот годий, на точеных ножках, на двери внутри железный замок на крочках. Хозяин с парнем принесли влед за вешедшим Бегичевым блянов масла постного нагретого, с дучком, волики, икры и хлеба. — А семухи? — Принесем, — ответил хозяин харчевой, — вишь рыбаика не реза-на, а початъ было некогда, да за постой надо стороватьсе. — Он приказал деревнянкой большуд поносом залуковой и воликой поставить на стол. Служка поставил, бережно смахнув со стола дохлах мук муравом кафтаном.

— Поди, парень, да ежели стрельный забредут, али решеточные, веда в залудю и двери за ими запири. — Ладно, чую, — Служка ушел. — Скодь за все с воилеком? — спросил Бегичев. — Хозяин харчевой, одерявив кушачок на кукурузной рубаше одной рукой, другой топорил пальцы, как бы считая подолком, спиная пальцы по одному, сказал: четыре алтына!

— Што дорого? — Алтын еса и пине, а три алтына почвака. — Вот уж так не ладно, Почему же полова мало не равна с едой? — Потому што заглядит обезьян, забредет, — узрит, спросит: «кто та!» — Лунай спросит. Я — дворнян с Колодчим! Мне больше боре дають стоять в их ломах. — А молочки? — Молочный — мой дворовый... Четыре алтына! Ты зря — за двацать алтын у гостя Василья Шорина человек гол служит!

— Так-то хозяйин доброй, у Василья компаней! Им гол радное ништо, от прибылей богатей! — Не все компаней! — Ведомо, не слышь, так ины кто? А вот — долговые кабыльные, кабыльное едино, где долг отбывають. Да, Василья Шорин лавок имет много, да он же на Камереке пристаны держит, у Василья нажить леньду ништо стоит... К ему иной таром поидет служить, — не всякого, вишь, берет... — Плату я тебе, благодетель поить-кормилец, два алтына и буде. — Так-то дешево, хозяйин. — Ну алтын надбавлю, да знать тебе буди: приеду иной раз, мимо не пройду — зайду.

— Дай четыре, а я за то волички прбавлю и семухи припашо. — Добро! Пришла заодно вкраску яшневую. — Пришла. — Хозяин харчевой ушел, Бегичев сел, сказал: «Садись, парень! Да в асины, чем тебя Семен Стрешнев изобидет? Шарев сед, он по дороге совсем прогриваясь. — Ен бы изобидел гораало, да не поспел... Посылал я был им к великому государю с калачом... Не какому правдику калач послал, того не ведал, — только наскомлал да меня в пути орло козна, не то татарская, не то ина кака... толкуляки меня, чуть с ног не сбили, а калач-то уронил в песок, а его лошади вмяли... Ну, далсе што сказает? Ватаги мне, ай и того горше, — я и себи. — Добро, што себи, — себя уберет. Так вот... чуж и, Семен князь, когда псица цена родит, сам их крестит. Правда? — Я с им крестил, за куца стога, — авсе крестит, правда, И девка, Окудел звать, кумой была... — Где та девка? — Тож себела... Покрала коу рудель у князя и себела... — Эх, и се бы в послухи! — Чаво? Девку-то? Сыщем! Велау, где живет. — Добро многое, што велаешь... Теперь молуду куец чет у кади, когда крестит? — И молуду чет, и ладаном кадит, и ризы надет... — Ой ли! Не лиж? — Вот те Иисус Христос, правда! — Теперь вымысли, парень ты толковой, нет ли еще каких скардств за князем Семеном? — В церковь ходит ли? Про патриарха, али я про великого государя бранного чего не ведаю ли? — Стой, хозяйн! Про патриарха завсе князь Семен говорит худо: собача есть, сидит в лавой крестит — Никоном звать, да еще князь Семен с лядкой воилик вынес шарусу живописную, на ей нечестные колокольну пружат и жгут, а близ того, как бы девка сидит рогаля и на тое колокольну голое гузо уставляю... — Добро велье! А как она и где у него прибыта таковая шаруска? — Испробита на стене его княжий крестовой, и огонь перед той шаруской князь Семен жет и сидит руки сложа и противу того, как и молится ей... — Ох, и добро же, парень! Я у великого государя испрошу — буду белоомеспем, ты же коли четствя не считай подолоком, спиная пальцы по одному, сказал: четыре алтына!

— Што дорого? — Алтын еса и пине, а три алтына почвака. — Вот уж так не ладно, Почему же полова мало не равна с едой? — Потому што заглядит обезьян, забредет, — узрит, спросит: «кто та!» — Лунай спросит. Я — дворнян с Колодчим! Мне больше боре дають стоять в их ломах. — А молочки? — Молочный — мой дворовый... Четыре алтына! Ты зря — за двацать алтын у гостя Василья Шорина человек гол служит!

— Так-то хозяйин доброй, у Василья компаней! Им гол радное ништо, от прибылей богатей! — Не все компаней! — Ведомо, не слышь, так ины кто? А вот — долговые кабыльные, кабыльное едино, где долг отбывають. Да, Василья Шорин лавок имет много, да он же на Камереке пристаны держит, у Василья нажить леньду ништо стоит... К ему иной таром поидет служить, — не всякого, вишь, берет... — Плату я тебе, благодетель поить-кормилец, два алтына и буде. — Так-то дешево, хозяйин. — Ну алтын надбавлю, да знать тебе буди: приеду иной раз, мимо не пройду — зайду.

Скорю в снег побегут стругийки. Скорю будут поля в клубе! Не хочу я синицу в руке. А хочу журавля в бебе.

РАБОТА В САДУ

Речь — зимостойкая семья; И в ступнях, мичуринцев. Над степью слез — моя упорная широченность. Другим, по сути говоря, — грибовый лес осени, а мне — гербарий словаря, лес говоря разрозненный. То стужа ветку серебряет, то душит слегка дробляя... Дичок привит, и вот — гибриды: могода! мойбона! Сто га словами порося и после года черного — уже несет плодьями слов очаживое дерево!

ПРИЕМЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Стоят ворота, гуляе к молачим глазам и слезам. — Откройся, Сезам! Я тебя очень прошу, откройся, Сезам. Ну, что тебе стоит, ну откройся, Сезам. Ну, знаешь, я отвернусь, а ты слезка приторкочь, Сезам... Это я кому говорю: откройся, Сезам? откройся, или я тебя сам отворю! Ну, что ты меня мучаешь, Сезам, ну откройся, Сезам... У меня к тебе огромная просьба: будь любезен, не можешь ли ты откритыся, Сезам? Сезам! От-от-от-от! Раз, откритыся, Сезам. Два, откритыся, Сезам. Три... Ну нельзя же так поступать с человеком, я опоздал, я очень спешу, Сезам, ну Сезам, откритыся. Ты не надлого, только откритыся, и сразу закройся, Сезам... Стоят ворота, гуляе к молачим глазам и слезам

В Музее изобразительных искусств открыта выставна скульптора ДОМОГАЦКОГО, охватывающая 30 лет его художественной деятельности. На фото: «А. С. Пушкин» — Домогацкого.

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ

Борис Агапов

Единственный недостаток книги, о которой пойдет речь, мне кажется, заключается в том, что она еще не написана. Впрочем мы уверенны, что эту беду мы ликвидируем вскорости.

Итак, отогнув скромный переплет, лишавший золотых тиснений и лака, присутствие которого, как известно далеко не всегда служит к украшению литературы, читатель погружается в первую главу.

Без сомнения может происходить в разной обстановке в зависимости от вкусов ее авторов — на радиостанции, в редакции крупной газеты, может быть даже в кабинете каково-нибудь самолета — словом в таком месте, куда лето могут долететь сведения со всех концов мира и где случайно могут оказаться нужные автор персонажи. Прежде чем завязать разговор с этими ищущими истины, читатель может изучить их внешность, чтобы легко прийти к заключению, что беспристрастность не принадлежит к их достоинству. В их лицах, одежде, манере держаться он обнаружит признаки, свидетельствующие о принадлежности каждого к группам, достаточно известным в наше время.

За событиями, происходившими на всех материках, собеседники начинают найти существо, самую суть того дела, лата которого стоит в эпицентре главы. Очень просто предмет обсуждения. Чье такое человеческое счастие? Как оно достижается? Каким образом избавить тех мрачных событий, о подготовке которых говорят подготовленные материалы? Как разрешить кажущиеся неразрешимыми противоречия между жизнью отдельного человека и обществом? Как обеспечить других, умножить других, компенсировать третьих? Каждый предлагает свой рецепт.

Здесь нет ни «античных» Фурье, ни комических чужих Чаялова, представляющего себе будущее в колочном явоне и в залахах растегаев и уха. Это гораздо более зрелые и обоснованные предложения. Программа руководителя НИРА, плановый капитализм, национал-социалистические теории, австро-марксизм выступают в

опор, ведущийся со всем бескомпромиссным и цифровой аргументации. Он заканчивается так же, как и начинался — полным тупиком, из которого собеседникам приходится выбираться при участии советских людей. Здесь появляются темы бесед Сталина с Лениным и Уласовым.

Описание нашей страны посвящена вторая часть этой главы, сделанная ладильно, однако очень конкретно на основании фактических материалов. Таким образом, начало книжки это — день мира, какие-нибудь сутки памяти, взятые произвольно, вымышленные так же случайно, как например выбора Жюль Роменом дата для первой его книги «Лиди доброй воли». И, если хотите, это окончательное естественное, но какая-то доля поемника с Роменом здесь неизбежна, так как редкий писатель так противоположен нашему мировоззрению, как оведалец унаимамия, превратившийся теперь в откровенного фашиста.

На этом кончается вступление и начинается вторая глава, в которой читатель сразу оказывается в прошлом, в 1927 году.

Еще до того, как первые порох оканчиваются благодушный человек, дошедший доловством. Это — своего рода ситуация. Он предлагает вниманно собеседника чудесные перспективы советского будущего, которое рисуется ему, как золотой вид демократии и просперити. Здоровое сотрудничество всех живых сил страны, частная инициатива в союзе с государством готовят новую эру. Новые люди появляются в России! — «Шлодильны вына», «конкистадоры бурного прогресса». Они овладевают и энергичны. Как рыба в воде плавают они в запутанном перелете совнархозов, трестов, синдикатов, губтогов. «Подписывают договоры», шумно обещают с нужным человеком в кафе «Бар». Они сперматизируют дебелую Русь, дождя спать пойдя, встают рано, чтобы опять заверить колесо винтовых лестниц, костяшек очетов, мши-

нок, поерстных столбов и простовом.

«Норман в переводе значит новый экономический человек. Си вызываете теперь повсюду уездкй разрозненной русской промышленности, магнетизирует огромные русские предприятия, колонизирует Россию, приступая к делу с нафосом пионером».

Любопытный чичероне показывает читателю свою утопию. С торжеством он потрясает цитатами из Устрялова, выискивает в литературе урава кулаков, мирно вставших в социальн, шущает ангийские коверкоты в частных лавках на Петровке, и дефилирует по аллеям Эрмитажа, давая «Алладу».

Однако истинное положение вещей не ускользает от глаза его спутника. Осторожно и обоснованно автор предлагает ему ипн в том виде, в каком он действительно существовал как затеява человек коммунизму, во-первых, и как оппортунистический человек капитала, во-вторых. История частной капиталы в период ния бора борьбы с социализмом, его маневры, его хитрости и, наконец, его ожесточенная атака, которую он начал, напавши силой и воображая, что он найдет себе поддержку, достаточно мощную для того, чтобы совершить своею думу врата. Кулачество организует хлебный голод. Торговый неязык меняется стремительно. Товары исчезают с рынка. Противоречия, достигая высшего напряжения, сталкиваются в схватке, в которой обыватель уже никак не может разобраться.

И если в деревне борьба идет под сивест кулацких пудя, а в городе самым ставет позиция за позицией, ближайши наломанными лопатами и прямыми репрессивами, то совершается вновь вид приобретает эта борьба в кабинетах учреждений, на съездах и конференциях.

Борьба за генеральную линию партии против правых и левых — наиболее драматическая страница в исто-

ри нашей революции, и особенного напряжения достигает она как раз в эти годы — годы перед развернутым социалистическим наступлением на всех фронтах.

Вместе с Куйбышевым и специалистами Госплана участвует читатель в первых совещаниях, посвященных пятилетнему плану. Постепенно перед ним вырисовываются контуры грандиозной программы, которая должна привести к окончательной гибели частного капитала во всех его формах и выдвинуть пролетарское государство в первые ряды среди самых передовых в техническом отношении стран мира.

Вокруг плана завязывается бой, в который вступают все противостоятельные силы. На место разрозненной левой оппозиции, с ее истерикой, ее неясностью, ее борьбой за приоритет вступают правые, принимавшие стиль осторожности, их подерживают спеулианты, которые в ближайшем будущем окажутся сподвижниками Рамзина. Но как убедительно звучат их речи на всяких плавоных совещаниях и заседаниях! Они полкуют своим умным авторитетом, языком цифр доказывают или несуществующие пятилетки или предлагают условия для ее осуществления, на которые никто не может согласиться. Минутами читатель почти убежден в их правоте. Он видит ясно, что строительных материалов нет, что инженерно нет, что знаний нет, что еды нехватит, что ниде и никакдо ничего подобного не предлагается, что это — фантазия.

И отложка с непреодолимостью и прямой партиа беретса за решительное переустройство всего хозяйства страны. Откуда же взять для этого силы?

Так кончается вторая глава.

Третья глава отвечает на этот вопрос. Развернутое социалистическое наступление начинается. И здесь рассказывается тайна его успеха. Здесь разъясняется та философская дилемма, которая была поставлена во второй главе: лавя али самодет, только изучение мира или изменение его,

большением или уменьшением. Пусть все конструкторы, все буржуазные оны строительства, все экономические теории правых и левых утверждають, что план невозможно — в делю вступает тот фактор, которого никак буржуазный специалист и никакый меньшевик, боищаясь и не понимавший пролетарата, предумоетть не в состоянии. Дело решат творческая сила рабочего класса. И она-то и преодолевает все препятствия.

Вместе с Куйбышевым и специалистами Госплана участвует читатель в первых совещаниях, посвященных пятилетнему плану. Постепенно перед ним вырисовываются контуры грандиозной программы, которая должна привести к окончательной гибели частного капитала во всех его формах и выдвинуть пролетарское государство в первые ряды среди самых передовых в техническом отношении стран мира.

Вокруг плана завязывается бой, в который вступают все противостоятельные силы. На место разрозненной левой оппозиции, с ее истерикой, ее неясностью, ее борьбой за приоритет вступают правые, принимавшие стиль осторожности, их подерживают спеулианты, которые в ближайшем будущем окажутся сподвижниками Рамзина. Но как убедительно звучат их речи на всяких плавоных совещаниях и заседаниях! Они полкуют своим умным авторитетом, языком цифр доказывают или несуществующие пятилетки или предлагают условия для ее осуществления, на которые никто не может согласиться. Минутами читатель почти убежден в их правоте. Он видит ясно, что строительных материалов нет, что инженерно нет, что знаний нет, что еды нехватит, что ниде и никакдо ничего подобного не предлагается, что это — фантазия.

И отложка с непреодолимостью и прямой партиа беретса за решительное переустройство всего хозяйства страны. Откуда же взять для этого силы?

Так кончается вторая глава.

Третья глава отвечает на этот вопрос. Развернутое социалистическое наступление начинается. И здесь рассказывается тайна его успеха. Здесь разъясняется та философская дилемма, которая была поставлена во второй главе: лавя али самодет, только изучение мира или изменение его,

большением или уменьшением. Пусть все конструкторы, все буржуазные оны строительства, все экономические теории правых и левых утверждають, что план невозможно — в делю вступает тот фактор, которого никак буржуазный специалист и никакый меньшевик, боищаясь и не понимавший пролетарата, предумоетть не в состоянии. Дело решат творческая сила рабочего класса. И она-то и преодолевает все препятствия.

Вместе с Куйбышевым и специалистами Госплана участвует читатель в первых совещаниях, посвященных пятилетнему плану. Постепенно перед ним вырисовываются контуры грандиозной программы, которая должна привести к окончательной гибели частного капитала во всех его формах и выдвинуть пролетарское государство в первые ряды среди самых передовых в техническом отношении стран мира.

Вокруг плана завязывается бой, в который вступают все противостоятельные силы. На место разрозненной левой оппозиции, с ее истерикой, ее неясностью, ее борьбой за приоритет вступают правые, принимавшие стиль осторожности, их подерживают спеулианты, которые в ближайшем будущем окажутся сподвижниками Рамзина. Но как убедительно звучат их речи на всяких плавоных совещаниях и заседаниях! Они полкуют своим умным авторитетом, языком цифр доказывают или несуществующие пятилетки или предлагают условия для ее осуществления, на которые никто не может согласиться. Минутами читатель почти убежден в их правоте. Он видит ясно, что строительных материалов нет, что инженерно нет, что знаний нет, что еды нехватит, что ниде и никакдо ничего подобного не предлагается, что это — фантазия.

И отложка с непреодолимостью и прямой партиа беретса за решительное переустройство всего хозяйства страны. Откуда же взять для этого силы?

Так кончается вторая глава.

Третья глава отвечает на этот вопрос. Развернутое социалистическое наступление начинается. И здесь рассказывается тайна его успеха. Здесь разъясняется та философская дилемма, которая была поставлена во второй главе: лавя али самодет, только изучение мира или изменение его,

большением или уменьшением. Пусть все конструкторы, все буржуазные оны строительства, все экономические теории правых и левых утверждають, что план невозможно — в делю вступает тот фактор, которого никак буржуазный специалист и никакый меньшевик, боищаясь и не понимавший пролетарата, предумоетть не в состоянии. Дело решат творческая сила рабочего класса. И она-то и преодолевает все препятствия.

Вместе с Куйбышевым и специалистами Госплана участвует читатель в первых совещаниях, посвященных пятилетнему плану. Постепенно перед ним вырисовываются контуры грандиозной программы, которая должна привести к окончательной гибели частного капитала во всех его формах и выдвинуть пролетарское государство в первые ряды среди самых передовых в техническом отношении стран мира.

Вокруг плана завязывается бой, в который вступают все противостоятельные силы. На место разрозненной левой оппозиции, с ее истерикой, ее неясностью, ее борьбой за приоритет вступают правые, принимавшие стиль осторожности, их подерживают спеулианты, которые в ближайшем будущем окажутся сподвижниками Рамзина. Но как убедительно звучат их речи на всяких плавоных совещаниях и заседаниях! Они полкуют своим умным авторитетом, языком цифр доказывают или несуществующие пятилетки или предлагают условия для ее осуществления, на которые никто не может согласиться. Минутами читатель почти убежден в их правоте. Он видит ясно, что строительных материалов нет, что инженерно нет, что знаний нет, что еды нехватит, что ниде и никакдо ничего подобного не предлагается, что это — фантазия.

И отложка с непреодолимостью и прямой партиа беретса за решительное переустройство всего хозяйства страны. Откуда же взять для этого силы?

Так кончается вторая глава.

Третья глава отвечает на этот вопрос. Развернутое социалистическое наступление начинается. И здесь рассказывается тайна его успеха. Здесь разъясняется та философская дилемма, которая была поставлена во второй главе: лавя али самодет, только изучение мира или изменение его,

Надр из кинофильма «Однажды летом» (сценарий И. Ильфа и Е. Петрова, производство Украинфильм). Арт. ИГОРЬ ИЛЬФСКИЙ (слева) в роли Телескопа, и арт. Кимит.

АВТОГРАФЫ В. А. ЖУКОВСКОГО

Государственный литературный музей собрал большое количество книг с авторскими надписями. В библиотеке музея имеются книги с автографами Пушкина, Рылеева, Герцена, Бажина, Тургенева, Некрасова, Чехова, Блока и др. Но более других представителей Жуковского. С его надписями имеют три экземпляра «Ундины» издания 1837 года с гравюрами Майделя. Первый экземпляр имеет надпись: «Ивану Андреевичу Крылову от автора». Второй — «Андрею Петровичу (фамилия не разобрана) от автора». Третий — «Ивану Петровичу Шуглину от автора». В последнем экземпляре кроме того вытиснена собственноручная копия письма к Нарышкину 1820 г.: «Нарышкин — человек случайный». Четвертый экземпляр — «Стихотворения В. Жуковского» издание третье, 1824 г., том первый. На ней автограф: «A monsieur Huet de la part de l'auteur». Самой интересной книгой несомненно является «Стихотворения В.

Альманах „Молодость поэта“

Издательство «Советский писатель» организовало сборник стихов и статей «Молодость поэта». Под редакцией Д. Дарского. В альманахе следующие: 1) Печатаются талантливые произведения поэтической молодежи РОФОР и по преимуществу рабочей молодежи. 2) Обсуждаются обстоятельства и условия, в которых у нас растет молодой советский поэт (учеба, бытовая обстановка и т. д.). Ударить по анархо-бюрократическим настроением и дошмам «литературным базарам». 3) Рассказать о том, как сформировались наши крупнейшие советские поэты (проблема советского поэтического лица, творческой индивидуальности и т. д.). 4) Определить и подчеркнуть творческому расцветанию произведений молодых советских поэтов, разбрасывая по журналам и малоизвестным сборникам и т. д. за последние два года. 5) Дать библиографическую сводку произведений молодых поэтов. Соответственно этим задачам в альманахе будет четыре раздела:

„БАСНИ А. Н.“

Эту рукопись держали в руках два литературных учреждения. Одно из них письменно (за тремя подписями) удостоверяет, что рукопись не представляет сколько-нибудь значительного интереса. В том же духе высказались и другие не менее почтенные учреждения. Рукопись была возвращена обратно в книжную лавку «Советский писатель». Здесь она пролежала около двух лет, не находя покупателя (говорят, несколько писателей проявили к ней интерес, но, достаточно поверхностный), рукопись А. Н. могла исчезнуть снова. Чем объяснить такое невнимание к ней? Вероятно, слабым интересом к басенному жанру вообще. Во-вторых, вероятно, незнанием внешности рукописи. Новому изданию рукописи в этой пухлой, затронутой тетради (620 стр.), испещренной мелким почерком, испещренной поправками? В третьих, повинен, вероятно, и сам автор, начавший свое предисловие весьма саморекламически: «Эти басни я не сочинил, а напорол, а потому их надо поправлять, переделывать, а многие и выбросят». Вряд ли любящие эту вещь шли дальше этих строк: «Графоман канюхибудь» — думали они, вероятно. Между тем авторитетное литературное учреждение: рукопись «Басни А. Н.» представляет ВСЕМА ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ общественно-литературный интерес. Нужно было лишь внимательно ее прочитать. Конечно, автор прав: далеко не все его басни (в их числе 800) литературно равновесны. Однако не менее трети их вполне пригодны для печати, а все вместе взятые они представляют ценнейший материал для изучения эпохи. Из предисловия видно, что автор «большую часть басен поддал в шаровскую, затем в виленискую цензуру, и оба раза их не разрешили печатать. После этого опыта автор являлся в «Предисловии», что больше шлох басни цензура он не даст. Они не оформлены и резки. Не пойдут никакой образки. В них всем сестрам Достополно по сержам. Следовательно, мы вправе рассмотреть басни А. Н. как документ большой политической откровенности, достоверно отражающий настроения пущих представителей того време-

ДВОРЕЦ

Как странно наши нравы: И отрок и старик Желает личной славы. И даже славным быть затеял откушиться. Лишь чем? Тут он явилулся, Но будущий хитрец, Прескорю в этом увернулся, Затеяв выстроить египетский двор. И оба раза их не разрешили печатать. После этого опыта автор являлся в «Предисловии», что больше шлох басни цензура он не даст. Они не оформлены и резки. Не пойдут никакой образки. В них всем сестрам Достополно по сержам. Следовательно, мы вправе рассмотреть басни А. Н. как документ большой политической откровенности, достоверно отражающий настроения пущих представителей того време-

Книги в гранках

Издательство «Academica» выпускает десятиязычное полное собрание сочинений Деми Дидро. На днях выйдут в свет первые два тома — философия работы Дидро. В первом томе помещены: «Философские мысли», «Приблизление к философскому мышлению», «Прогресса светлая, или аллея», «Школа слепых в назидание зрячим», «Письмо Вольтеру», «Мысли об объяснении природы», «Философские принципы материи и движения», «Разговоры Даламбера с Дидро», «Сон Даламбера» и др. Содержание второго тома: «Философские мысли», «Вещь философская», «Обращение к королю», «Разговор философа с женою маркиза», «Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме», «Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек» и «Элементы физиологии». Все произведения выйдут в первых переводах И. Б. Румера, П. С. Юшквича и В. К. Сердюгина. Комментарии к первому тому составлены А. Н. Лявровым, ко второму — М. Д. Пыльником. По словам редактора издания и автора вступительных статей к двум первым томам И. К. Лущина, настоящее издание сочинений Дидро будет самым полным из всех ранее изданных. Впервые на русском языке появятся такие крупнейшие философские сочинения Дидро, как «Философские мысли», «Прогресса светлая, или аллея», «Полное собрание в двух томах «Элементы философии» теперь печатаются полностью. Ряд работ, например, «Путешествие Витрувия» и «Разговор философа с женою маркиза», переведены по рукописям Дидро, хранящимся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В III и IV томах, выходящих сейчас в работе, будут помещены беллетристические произведения Дидро. Произведения печатаются в двух томах: И. И. Соколовского, Е. П. Виржовича и Г. М. Шуглинова. Переводы выполнены А. С. Юрченко. Историко-литературный комментарий составлен Д. И. Гучевым. В работе также находится и VIII том, заключающий в себе высшая философа к Софи Водлан.

ИСКУССТВО В ШКОЛЕ

рисованию, который был так характерен для старой до-революционной школы. Вместе с тем наблюдаются некоторые отклонения от увлечения свободным рисованием, как единственно приемлемым для школьников младших групп методов. Сейчас, наряду со свободным рисованием, большое внимание уделяется работе с натуры, как основе графической грамотности. Школа не может ориентироваться на исключительные дарования. Она должна дать в руки учащимся методы графического изображения, знание которых необходимо всякому школьнику, независимо от его будущей профессии. К разрешению этой сложной задачи школа только приступает. Но уже на этом пути имеются значительные достижения. Для посетителя неслыханно наибольший интерес все же представляет раздел свободного рисования. Мы здесь находим громадное разнообразие интересов, всесторонний охват всех проявлений жизни Советской страны. Каждое выдающееся событие находит немедленный отклик в изобретательстве школьников. Постановка «Чапаева» уже вдохновила ребят на создание ряда интересных рисунков. Но и повседневная жизнь интересует школьников не меньше. Школа № 1 выставила большую серию работ, посвященных веселым зимним развлечениям. Обращают внимание также высокохудожественные вышивки учеников 11-й спецшколы. Но самый впечатляющий отдел — отдел театральных игр. Здесь, наряду с макетами «Иранской шапочки» и «Сказки о рыбе и рыбе», мы находим макеты «Человеческой комедии», «Таланты и поклонники» и «Свадьбы Фигаро». К сожалению, интересный материал выставки распределен на узких серых обложках, оценить достоинство работ в такой, с позволения сказать, «экспозиции» трудно. Здесь снова сказались пренебрежительное отношение к изобразительному искусству, отнюдь не народному образованию, по мнению, не считает выставку серьезным делом, а ведь создание подобных выставок, несомненно, послужит делу оживления изобразительного искусства.

«ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ» — МАКЕТ НИКОЛЬСКОЙ

В клубе фабрики «Свобода» открылась выставка изобразительного искусства учащихся школы № 5. На выставке продемонстрировано большое разнообразие методов художественного воспитания. Но одна черта объединяет все эти установки: — это чуткость к индивидуальным особенностям восприятия каждого школьника. Нигде мы не встречаем того сухого метода обучения

ТЕНЕРИФ

Купец Павлыч Питейный погреб заложил. И, чтоб забыть с поля конкурентов, К себе завалил декораций, Чеповитов, учителей. Посредством ловких комплиментов. Народ все правдивый, переводил. И собрался он толпой. Как бонны каждый день в кумирни, — Там даже видели асаомщика с протам. Вот в скорости весь город затрубили: «Павлыч! Павлыч! Какой услаждаешь и честный, Какой от тенерифа дает чудесный!» И упилились им с обеда до утра Как будто даром. Павлыч смекнул: пришло пора Коваль железно под разлом — И начал в бочку подбавлять Ромчу, водичку, Гроздики, сахару, корицы, Сначала так, что не узнать. Но ведь лиха беда начало, И — он прихрамывая, Таким путем зиню предливое со ставлял. Ему лязганные сокранин: Старинный тенериф. А так как в халостестве он не был втрусом, То вера верх вылезла над двояком. Так часто прогрезит поэт За верные идеи своих страниц. Потом, хоть в нектар их и подольет Он спирт в водичку, Но публики того не узнает.

Книжная витрина

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» Демьян Бедный — «100 басен» с иллюстрациями Кукрыникова. 440 стр. Тираж 10.000. Цена в переплете 11 руб. Н. Зазубрин — «Горы», роман, 264 стр. Тираж 5.000. Цена в переплете 6 р. 50 к. А. Новиков-Прибой — «Цусима», книга 2-я. Стр. 336. Тираж 20.000. Цена в переплете 7 р. 50 к. И. Ильф и Е. Петров — «Как создавался Робинзон», 352 стр. Тираж 20.000. Цена в переплете 4 руб. С. Кирсанов — «Поэма о Работе», Стр. 56. Тираж 5.000. Цена в переплете 3 р. 25 к. ГОСЛИТИЗДАТ В. Гете — юбилейное издание собрания сочинений, т. VII «Голы учения Вильгельма Мейстера», перевод С. П. Займовского, редакция М. А. Петровского, Стр. 618. Тираж 5.000. Ц. 7 руб. В. Гете — юбилейное издание собрания сочинений, т. VIII «Голы страсти Вильгельма Мейстера», перевод Г. А. Ратникова, редакция и примечания М. А. Петровского, предисловие П. С. Козьма. Стр. 498. Тираж 5.000. Цена в переплете 7 руб. И. С. Тургенев — «Отцы и дети», Стр. 184. Тираж 15.000. Цена в переплете 3 руб. И. А. Гончаров — «Обрыв», Стр. 622. Тираж 10.000. Цена в переплете 7 р. 75 к. Ф. Панферов — «Бруски». Книга 3-я — «Первой поступью» с иллюстрациями Д. А. Шмарина. Стр. 467. Тираж 10.000. Цена в переплете 6 р. 25 коп. ДЕТЕГИЗ А. Гайдар — «Военная тайна». Для детей старшего и среднего возраста. Стр. 150. Тираж 100.000. Цена 2 р. 80 к. Л. Кассиль — «Будничья». Для детей дошкольного возраста. Издание второе. Тираж 100.000. Цена 90 коп. Р. Энгельс — «Лютик в детском саду». Для дошкольного возраста. Тираж 40.000. Цена 50 коп.

Письма читателей

Огарев является поэтом, имя которого, при всей его популярности, связано с необычайным явлением: его выгода и лиде нет. Творчество его не только неизвестно, но и неизвестно выгодам читательским кругам, но книга его вообще не на полках книжнички, ни у бубнящих. Они — библиографическая редкость. И что страннее в удивительное все — всегда были таковы. Каждое новое издание сочинений Огарева, — а издавались они очень редко, — словно проливалось в бездну, рассеивалось моментально. Где оно? У кого оно? На это трудно ответить. Даже последнее издание М. и С. Сабанинских, вышедшее всего четверть века назад под редакцией М. О. Гершензона, стало тоже библиографической редкостью. И любопытно, что М. О. Гершензон, большой знаток этого поэта, неоднократно писалши о нем, для своих работ часто не мог отыскать нужных ему огаревских книг и был уже значительно позже случайно вынужден обратиться к профессору Якушкину, принесшим ему необходимый томик огаревских стихов. Н. Г. Чернышевский писал: «Пока было имя Огарева будет разве только тогда, когда забудется наш язык». Критика «Современника» отмечала что «холодно будет (через 20—30 лет) вспоминать имя Огарева не будут восторгать у многих поэтов, кающихся нам теперь достойными памятников — с любовью будет произносятся имя Огарева. Огареву суждено занять страницу в истории нашей литературы». И кажется совершенно странным, почему ни ГИХЛ, ни «Академия», ни «Советский писатель», ни одно из наших издательств не включило и не включает Огарева в свою производственную программу.

АНДЕРСЕН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Сын сапожника, Ганс-Христиан Андерсен искренне сочувствовал судьбе обездоленных и обиженных. Но он не видел причин социального неравенства, не знал лекарств против него. Не одолев гуманную проповедь Андерсена старался обратить против пролетарской революции. Не случайно боготворил Андерсен в пьесе Ю. Олепи «Сякч блудели» пытался убедить мятущееся сознание Гончарова сказкой Андерсена.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В связи с исполняющимся в этом году 180-летием Московского государственного университета литературный кружок МГУ начал работу по написанию «Истории МГУ». Вся работа по созданию «Истории» возглавляет директор МГУ т. А. С. Бутыкин и декан факультета МГУ т. Ц. Фришланд.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 марта, в 19 ч. 30 м., в кабинете рабочего-автора Профиздата (Дворец труда, ком. 259) состоится лекция проф. Пичугина на тему «Лейнинская теория отражения и метод социал-эстетического реализма».

Альманах „Молодость поэта“

Издательство «Советский писатель» организовало сборник стихов и статей «Молодость поэта». Под редакцией Д. Дарского. В альманахе следующие: 1) Печатаются талантливые произведения поэтической молодежи РОФОР и по преимуществу рабочей молодежи. 2) Обсуждаются обстоятельства и условия, в которых у нас растет молодой советский поэт (учеба, бытовая обстановка и т. д.). Ударить по анархо-бюрократическим настроением и дошмам «литературным базарам». 3) Рассказать о том, как сформировались наши крупнейшие советские поэты (проблема советского поэтического лица, творческой индивидуальности и т. д.). 4) Определить и подчеркнуть творческому расцветанию произведений молодых советских поэтов, разбрасывая по журналам и малоизвестным сборникам и т. д. за последние два года. 5) Дать библиографическую сводку произведений молодых поэтов. Соответственно этим задачам в альманахе будет четыре раздела:

ИСКУССТВО В ШКОЛЕ

рисованию, который был так характерен для старой до-революционной школы. Вместе с тем наблюдаются некоторые отклонения от увлечения свободным рисованием, как единственно приемлемым для школьников младших групп методов. Сейчас, наряду со свободным рисованием, большое внимание уделяется работе с натуры, как основе графической грамотности. Школа не может ориентироваться на исключительные дарования. Она должна дать в руки учащимся методы графического изображения, знание которых необходимо всякому школьнику, независимо от его будущей профессии. К разрешению этой сложной задачи школа только приступает. Но уже на этом пути имеются значительные достижения. Для посетителя неслыханно наибольший интерес все же представляет раздел свободного рисования. Мы здесь находим громадное разнообразие интересов, всесторонний охват всех проявлений жизни Советской страны. Каждое выдающееся событие находит немедленный отклик в изобретательстве школьников. Постановка «Чапаева» уже вдохновила ребят на создание ряда интересных рисунков. Но и повседневная жизнь интересует школьников не меньше. Школа № 1 выставила большую серию работ, посвященных веселым зимним развлечениям. Обращают внимание также высокохудожественные вышивки учеников 11-й спецшколы. Но самый впечатляющий отдел — отдел театральных игр. Здесь, наряду с макетами «Иранской шапочки» и «Сказки о рыбе и рыбе», мы находим макеты «Человеческой комедии», «Таланты и поклонники» и «Свадьбы Фигаро». К сожалению, интересный материал выставки распределен на узких серых обложках, оценить достоинство работ в такой, с позволения сказать, «экспозиции» трудно. Здесь снова сказались пренебрежительное отношение к изобразительному искусству, отнюдь не народному образованию, по мнению, не считает выставку серьезным делом, а ведь создание подобных выставок, несомненно, послужит делу оживления изобразительного искусства.

АНДЕРСЕН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Сын сапожника, Ганс-Христиан Андерсен искренне сочувствовал судьбе обездоленных и обиженных. Но он не видел причин социального неравенства, не знал лекарств против него. Не одолев гуманную проповедь Андерсена старался обратить против пролетарской революции. Не случайно боготворил Андерсен в пьесе Ю. Олепи «Сякч блудели» пытался убедить мятущееся сознание Гончарова сказкой Андерсена.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В связи с исполняющимся в этом году 180-летием Московского государственного университета литературный кружок МГУ начал работу по написанию «Истории МГУ». Вся работа по созданию «Истории» возглавляет директор МГУ т. А. С. Бутыкин и декан факультета МГУ т. Ц. Фришланд.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 марта, в 19 ч. 30 м., в Государственном издательстве «Чехов и современная советская новелла».

Альманах „Молодость поэта“

Издательство «Советский писатель» организовало сборник стихов и статей «Молодость поэта». Под редакцией Д. Дарского. В альманахе следующие: 1) Печатаются талантливые произведения поэтической молодежи РОФОР и по преимуществу рабочей молодежи. 2) Обсуждаются обстоятельства и условия, в которых у нас растет молодой советский поэт (учеба, бытовая обстановка и т. д.). Ударить по анархо-бюрократическим настроением и дошмам «литературным базарам». 3) Рассказать о том, как сформировались наши крупнейшие советские поэты (проблема советского поэтического лица, творческой индивидуальности и т. д.). 4) Определить и подчеркнуть творческому расцветанию произведений молодых советских поэтов, разбрасывая по журналам и малоизвестным сборникам и т. д. за последние два года. 5) Дать библиографическую сводку произведений молодых поэтов. Соответственно этим задачам в альманахе будет четыре раздела:

ИСКУССТВО В ШКОЛЕ

рисованию, который был так характерен для старой до-революционной школы. Вместе с тем наблюдаются некоторые отклонения от увлечения свободным рисованием, как единственно приемлемым для школьников младших групп методов. Сейчас, наряду со свободным рисованием, большое внимание уделяется работе с натуры, как основе графической грамотности. Школа не может ориентироваться на исключительные дарования. Она должна дать в руки учащимся методы графического изображения, знание которых необходимо всякому школьнику, независимо от его будущей профессии. К разрешению этой сложной задачи школа только приступает. Но уже на этом пути имеются значительные достижения. Для посетителя неслыханно наибольший интерес все же представляет раздел свободного рисования. Мы здесь находим громадное разнообразие интересов, всесторонний охват всех проявлений жизни Советской страны. Каждое выдающееся событие находит немедленный отклик в изобретательстве школьников. Постановка «Чапаева» уже вдохновила ребят на создание ряда интересных рисунков. Но и повседневная жизнь интересует школьников не меньше. Школа № 1 выставила большую серию работ, посвященных веселым зимним развлечениям. Обращают внимание также высокохудожественные вышивки учеников 11-й спецшколы. Но самый впечатляющий отдел — отдел театральных игр. Здесь, наряду с макетами «Иранской шапочки» и «Сказки о рыбе и рыбе», мы находим макеты «Человеческой комедии», «Таланты и поклонники» и «Свадьбы Фигаро». К сожалению, интересный материал выставки распределен на узких серых обложках, оценить достоинство работ в такой, с позволения сказать, «экспозиции» трудно. Здесь снова сказались пренебрежительное отношение к изобразительному искусству, отнюдь не народному образованию, по мнению, не считает выставку серьезным делом, а ведь создание подобных выставок, несомненно, послужит делу оживления изобразительного искусства.

АНДЕРСЕН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Сын сапожника, Ганс-Христиан Андерсен искренне сочувствовал судьбе обездоленных и обиженных. Но он не видел причин социального неравенства, не знал лекарств против него. Не одолев гуманную проповедь Андерсена старался обратить против пролетарской революции. Не случайно боготворил Андерсен в пьесе Ю. Олепи «Сякч блудели» пытался убедить мятущееся сознание Гончарова сказкой Андерсена.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В связи с исполняющимся в этом году 180-летием Московского государственного университета литературный кружок МГУ начал работу по написанию «Истории МГУ». Вся работа по созданию «Истории» возглавляет директор МГУ т. А. С. Бутыкин и декан факультета МГУ т. Ц. Фришланд.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 марта, в 19 ч. 30 м., в Государственном издательстве «Чехов и современная советская новелла».

Альманах „Молодость поэта“

Издательство «Советский писатель» организовало сборник стихов и статей «Молодость поэта». Под редакцией Д. Дарского. В альманахе следующие: 1) Печатаются талантливые произведения поэтической молодежи РОФОР и по преимуществу рабочей молодежи. 2) Обсуждаются обстоятельства и условия, в которых у нас растет молодой советский поэт (учеба, бытовая обстановка и т. д.). Ударить по анархо-бюрократическим настроением и дошмам «литературным базарам». 3) Рассказать о том, как сформировались наши крупнейшие советские поэты (проблема советского поэтического лица, творческой индивидуальности и т. д.). 4) Определить и подчеркнуть творческому расцветанию произведений молодых советских поэтов, разбрасывая по журналам и малоизвестным сборникам и т. д. за последние два года. 5) Дать библиографическую сводку произведений молодых поэтов. Соответственно этим задачам в альманахе будет четыре раздела:

ИСКУССТВО В ШКОЛЕ

рисованию, который был так характерен для старой до-революционной школы. Вместе с тем наблюдаются некоторые отклонения от увлечения свободным рисованием, как единственно приемлемым для школьников младших групп методов. Сейчас, наряду со свободным рисованием, большое внимание уделяется работе с натуры, как основе графической грамотности. Школа не может ориентироваться на исключительные дарования. Она должна дать в руки учащимся методы графического изображения, знание которых необходимо всякому школьнику, независимо от его будущей профессии. К разрешению этой сложной задачи школа только приступает. Но уже на этом пути имеются значительные достижения. Для посетителя неслыханно наибольший интерес все же представляет раздел свободного рисования. Мы здесь находим громадное разнообразие интересов, всесторонний охват всех проявлений жизни Советской страны. Каждое выдающееся событие находит немедленный отклик в изобретательстве школьников. Постановка «Чапаева» уже вдохновила ребят на создание ряда интересных рисунков. Но и повседневная жизнь интересует школьников не меньше. Школа № 1 выставила большую серию работ, посвященных веселым зимним развлечениям. Обращают внимание также высокохудожественные вышивки учеников 11-й спецшколы. Но самый впечатляющий отдел — отдел театральных игр. Здесь, наряду с макетами «Иранской шапочки» и «Сказки о рыбе и рыбе», мы находим макеты «Человеческой комедии», «Таланты и поклонники» и «Свадьбы Фигаро». К сожалению, интересный материал выставки распределен на узких серых обложках, оценить достоинство работ в такой, с позволения сказать, «экспозиции» трудно. Здесь снова сказались пренебрежительное отношение к изобразительному искусству, отнюдь не народному образованию, по мнению, не считает выставку серьезным делом, а ведь создание подобных выставок, несомненно, послужит делу оживления изобразительного искусства.

АНДЕРСЕН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Сын сапожника, Ганс-Христиан Андерсен искренне сочувствовал судьбе обездоленных и обиженных. Но он не видел причин социального неравенства, не знал лекарств против него. Не одолев гуманную проповедь Андерсена старался обратить против пролетарской революции. Не случайно боготворил Андерсен в пьесе Ю. Олепи «Сякч блудели» пытался убедить мятущееся сознание Гончарова сказкой Андерсена.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В связи с исполняющимся в этом году 180-летием Московского государственного университета литературный кружок МГУ начал работу по написанию «Истории МГУ». Вся работа по созданию «Истории» возглавляет директор МГУ т. А. С. Бутыкин и декан факультета МГУ т. Ц. Фришланд.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 марта, в 19 ч. 30 м., в Государственном издательстве «Чехов и современная советская новелла».